

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**о диссертационном исследовании Наумцева Ивана Игоревича
«Поэтический мир Евгения Блажеевского», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации
(Волгоград, 2026)**

Диссертация И.И. Наумцева посвящена исследованию **актуальной** темы. Творчество Евгения Блажеевского представляет собой яркое и неоднозначное явление, которое, выражаясь словами Ю.Н. Тынянова, может быть охарактеризовано как явление «промежутка», возникшего между громкими шестидесятыми и по-другому громкими девяностыми: первые осмыслили опыт десталинизации и выражали дух оттепели и протеста против подавления личности, вторые – констатировали наступивший конец империи и глубокий кризис системы ценностей, жертвами которого вновь оказались не только и не столько социальные институты и т.п., сколько – частный человек, потерянный и потерявшийся среди новых социально-исторических реалий. В свою очередь эпоха, которую представляет Е. Блажеевский, – это, с одной стороны, эпоха недоверия романтической горячности шестидесятых, а с другой – осознание трагической неизбежности развала девяностых: поколение Е. Блажеевского, родившееся в первое послевоенное десятилетие и сформированное не столько XX съездом и полетом Гагарина, сколько кремлевским переворотом и советскими танками в Праге, с самого начала своей поэтической деятельности осознало, что при любом историческом раскладе главной и единственной разменной монетой в любых исторических переделках будет человек с его желаниями и стремлениями, ценностями и надеждами. Не было неожиданным для этого поколения и наступление девяностых, когда возобладали новые амбиции и интересы, потребовавшие новых жертв и такие же равнодушные к

судьбе частного человека, как и все остальные эпохи. Это хорошо понимает автор диссертационного исследования, выстраивающий свою литературоведческую работу, посвященную поэтике одного автора, как работу об эпохе в целом – эпохе переоценок и эскапизма, всматривания в человека и анализа того, насколько он способен к самостоянию и сопротивлению силам любых расчеловечивающих факторов.

Но **актуальность** диссертационного исследования И.И. Наумцева видится нам и еще как минимум в одном отношении. Как показало время, духовный опыт Е. Блажеевского и его поколения (поколения 1970-х – 1980-х гг.) оказался во многом непонятым и невостребованным ни литературой, ни наукой о литературе. В этом смысле «громкие» шестидесятые уже заявили и продолжают заявлять о себе гораздо активнее (назовем здесь только два обобщающих исследования, посвященных шестидесятым, – работу П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека». М.: Новое литературное обозрение, 2001; а также – коллективную монографию «Социокультурный феномен 60-х». М.: РГГУ, 2008), нет сомнения, что дождутся своей очереди и девяностые годы, которые еще будут осмыслены как эпоха, сформировавшая поэтическое поколение, ставшее наследником развала СССР. Эпоха же современников Е. Блажеевского продолжает рассыпаться на отдельные явления и фигуры – в разной степени яркие и сложившиеся, но до сих пор не осмысленные под одним углом зрения и ускользающие от такого осмысления. На наш взгляд, диссертация И.И. Наумцева представляет собой уверенный шаг, сделанный в сторону такого обобщающего исследования, для которого сама фигура и поэтический мир Е. Блажеевского представляются как нельзя более удачными: родившийся в Азербайджане и «променявший чужбину на чужбину», переехавший в Москву и ставший частью столичного литературного андеграундного сообщества, но всячески сторонившийся как единомышленников, так и последователей, внимательно и чутко относившийся к своему внутреннему «я» и настороженно воспринимавший любые попытки

его закабаления или хотя бы агрессии в его сторону, сохранявший поэтический голос в разных исторических обстоятельствах и до конца оставшийся в своей стране и в родном языке, Е. Блажеевский, судя по диссертационному исследованию И.И. Наумцева, представляется нам той фигурой, взглядывываясь в опыт которой диссертант мог бы в будущем создать портрет эпохи внутреннего сопротивления человека, противостоящего всем видам идеологического давления и социальных манипуляций, направленных в его сторону.

Оправданными и продуктивными представляются методологические установки, избранные И.И. Наумцевым и позволяющие ему увидеть поэтический мир Е. Блажеевского как сложную, но вместе с тем целостную систему мировоззрения, эмоциональных реакций, образов, мотивов, художественных форм и речевых приемов. Для этого диссертант опирается как на классические для современной литературоведческой науки труды Ю.Н. Тынянова, Л.Я. Гинзбург, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, так и работы современных исследователей, зарекомендовавшие себя как надежный инструмент анализа сложных художественных явлений – речь идет, например, о работах В.Н. Топорова, М.М. Гиршмана, Н.Л. Лейдермана, Н.А. Богомолова, Н.Е. Меднис, В.И. Тюпы и некоторых других. Разумно сочетая методологические подходы разных исследователей, диссертант добивается главного – устанавливает закономерности, действующие в поэтическом мире Е. Блажеевского и создающие каркас этого поэтического мира, способного вмещать в себя различные составляющие, эволюционировать, трансформироваться и т.д.

Полученные исследовательские результаты обладают **теоретической и практической значимостью**, так как 1) развивают представление о поэтическом мире как о художественной целостности и углубляют представление о когезии, выраженной в синтезе акмеистической предметности, лирической медитативности и социальной заострённости нонконформизма и 2) дают возможность использовать наблюдения и выводы при подготовке

научных изданий произведений Е. Блажеевского, а также в практике преподавания русской литературы.

Научная новизна диссертации вытекает из того обстоятельства, что поэтическое творчество Е. Блажеевского впервые изучается в диссертационном исследовании как целостное художественное явление, представляющее поэтические поиски не только отдельного автора, но и целого поколения; в научный оборот вводится целый ряд биографических и творческих материалов, еще не введенных в научный оборот.

Личный вклад диссертанта состоит в выявлении наиболее устойчивых образов и мотивов в поэтическом творчестве Е. Блажеевского и разработке такой системы анализа данного поэтического мира, которая максимально отвечает задачам, поставленным в исследовании; отметим также привлечение в качестве источниковой базы личных бесед с дочерью поэта М.Е. Блажеевской, а также с певицей, исполняющей романсы на стихи Е. Блажеевского, Н.А. Шацкой, не просто украшающее работу, но и воспринимающееся как свидетельство заинтересованности диссертанта в глубине и точности исследовательской работы.

Достоверность полученных результатов исследования определяется как объемной теоретической и историко-литературной базой изученных источников, применением адекватных методов рассмотрения репрезентативного поэтического материала, так и достаточным уровнем апробации основных положений диссертации на научных конференциях и семинарах в Волгограде, Бресте, Ростове-на-Дону, Москве, Улан-Удэ, Екатеринбурге. По теме диссертации опубликовано 11 научных статей (общий объем 6,35 п.л.), из них 6 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации и логика развертывания научной мысли в целом отвечают цели и задачам, поставленным в работе.

Во Введении присутствуют все обязательные научно-квалификационные пункты, содержащих определение актуальности, объекта, предмета, материала,

цели и задач исследования, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертационного исследования автор работы стремится определить место Е. Блажеевского в русской поэзии XX столетия, уделяет отдельное внимание явлению, названному диссертантом «феноменом веры» в поэзии Е. Блажеевского, а также приводит любопытные наблюдения текстологического характера, позволяющие читателю диссертационного исследования приблизиться к творческой лаборатории поэта. Рассуждая о месте, занимаемом поэтом в литературном и поэтическом контексте его времени, И.И. Наумцев, с одной стороны, внимательно относится к свидетельствам мемуаристов и критиков, а с другой – стремится к объективности и взвешенности собственных суждений. Так, соглашаясь с С.Б. Рассадиным, писавшим о том, что «не совпадая с временем безвременья, Блажеевский отстаивал, создавал свое время», автор диссертации тем не менее старается сохранить объективный взгляд на «безвременье» Блажеевского, вписывая его в контекст эпохи. Именно из несовпадения поэта с современностью, по мнению диссертанта, вытекает и его творческая близость к акмеизму. Любопытным и научно-продуктивным представляется нам и содержащийся в параграфе 1.1 вывод исследователя о том, что как одинокий созерцатель лирический герой Е. Блажеевского ощущает себя «человеком, существующим на “косой кромке бытия”», чей удел – «одинокчество, осмысляемое не как трагедия, а как естественное состояние, дающее свободу видеть и чувствовать». Важным для понимания основ художественного мира поэта является, по нашему мнению, и замечание диссертанта о несовпадении лирического «Я» Е. Блажеевского с традиционным героем «тихой лирики»: если в последнем случае свобода выступает прежде всего как социально-политическая категория, то у героя диссертационного исследования это «нищая свобода», понимаемая как возможность жить вне навязанного жизненного уклада.

Отдельно отметим глубокую оправданность присутствия в диссертационном исследовании параграфа 1.3, посвященного текстологическому

рассмотрению тех немногих страниц творчества поэта, которые доступны сегодняшнему исследователю. Для литературоведа, занимающегося русской литературой XX столетия, очевидным представляется то обстоятельство, что между замыслом поэта, продолжением которого надо считать написанный текст, и тем же текстом, опубликованным в книге или любом другом издании, подчас имеется огромная разница, являющаяся следствием цензуры и самоцензуры. Кроме этого черновики и даже беловые варианты автографов хранят в себе следы сомнений, поисков, эволюции взглядов, более поздней ревизии вчерашних убеждений и оценок и т.д. В свою очередь скрупулезное рассмотрение авторских правок приближает исследователя к поэту, позволяет понять его так, как мало какой другой путь и способ. Тем ценнее те немногие автографы поэта, привлекаемые И.И. Наумцевым для сопоставлений и анализа, выводы же, сделанные исследователем, в будущем окажутся чрезвычайно полезными для тех, кто будет работать с архивом Е. Блажеевского и готовить собрание его сочинений.

В следующей главе диссертационной работы внимание исследователя оказалось прикованным к урбанистическому и природному в поэзии Е. Блажеевского, пространству сада, небесным мотивам и онейрическому пространству в поэтическом мире героя диссертации. Данная глава представляется нам наиболее продуманной, структурированной и масштабной в работе. Собственно, намеченная пространственная структура (город/загород – сад – земля/небо – сон/бессонница) представляет собой тот художественный инвариант, который равнозначен каркасу поэтического мира Е. Блажеевского каким он складывался на протяжении десятилетий и каким открывается читателю и исследователю в своей полноте и целостности.

Оговорившись, что «пространство художественного мира поэта нельзя чётко разделить на метафизическое и реальное» и что «часто сознание лирического героя дрейфует между этими категориями, а иногда граница между ними и вовсе стирается», а «граница между материальным и метафизическим часто становится настолько тонкой, что сливается в единую область действия,

функционирующую по особым законам художественного мира автора», диссертант предпринимает удачную попытку рассмотрения «поэтической географии» Е. Блажеевского. Любопытны выделенные автором диссертации наиболее устойчивые элементы урбанистического (например, безлюдные улицы), природного («поле» как синоним свободы и гармонии, и в то же время – как аналог бескрайней тюрьмы), акватические образы и слои символики сада («сад» как приют детства и противопоставление тревоге, тьме и смерти), смысла небесного (в частности, «небо» как космос) и онейрического (отметим, например, что, по замечанию И.И. Наумцева мотив бессонницы у Е. Блажеевского «актуализирует темы «потери», «ухода из жизни»).

Внимательно и вдумчиво анализируя стихи Е. Блажеевского, диссертант показывает, как, выстаивая пространственную модель своего поэтического мира, поэт организует свою поэтическую Вселенную, которая может меняться, трансформироваться, испытывать различные воздействия, но при всем при этом – сохранять внутреннюю устойчивость. Поэтический мир Е. Блажеевского, каким его увидел И.И. Наумцев, – это мир между Москвой и Подмосковьем, между небом и землей, между сном и реальностью, скользящий «по кромке», «промежуточный», опасющийся однозначности и приравнивания к одному полюсу.

Удачными представляются нам и реализованные в заключительной главе диссертационного исследования попытки сближения мировоззренческих установок и соотнесения поэтических исканий Е. Блажеевского с мировоззренческими же и художественными поисками русских писателей – от Пушкина до Мандельштама. Здесь И.И. Наумцев сосредоточился в основном на четырех традициях – пушкинской, гоголевско-достоевской (проблема «маленького человека» в творчестве Е. Блажеевского), чеховской и мандельштамовской (и шире – модернистски-акмеистической), хотя только этими традициями дело, разумеется, не исчерпывается, и в случае необходимости диссертант выходит за их рамки и, свободно ориентируясь в материале,

привлекает к разговору и другие имена и традиции. И сама глава, и составляющие ее параграфы, по нашему мнению, отражают сущность анализируемого в диссертационном исследовании явления – одинокий среди своих современников, в так называемом «малом» времени своей эпохи, поэт стремился обрести собеседников среди литературных предшественников, вступая в диалог с ними, подхватывая их размышления, соглашаясь и споря из того времени, которое было для них будущим, а для него – прошлым либо настоящим. И.И. Наумцев убедительно показывает, что диалог с традицией как правило носит у Е. Блажеевского характер глубокого переосмысления и полемики: так, у Пушкина «его интересует не столько канонизированный образ гения, сколько внутренний мир “гонимого поэта”, чье творческое “Я” формируется вопреки давлению эпохи и власти», а в случае Мандельштама «через переключку с “осиным” символическим комплексом поэт-“семидесятник” актуализирует мотивы эмиграции, разрыва с родиной и сложной идентичности писателя в позднесоветскую эпоху». В целом выбор анализируемых традиций, на наш взгляд, верен и позволяет автору диссертации продуктивно подойти к разговору о семидесятнике, формирующемся, в том числе, в результате напряженного диалога с литературными предшественниками и литературной традицией.

Таким образом, в целом цель диссертационного исследования, состоящая в стремлении выявить доминирующие особенности поэтического мира Евгения Блажеевского, достигнута. И.И. Наумцев продемонстрировал высокий уровень филологического анализа литературного материала: с одной стороны, умение подмечать поэтические тонкости и детали рассматриваемого текста, которые выполняют в нем различные семантические и символические функции, а с другой – способность обобщать и концептуализировать в связи с его культурно-историческими реалиями и художественными особенностями. Автореферат диссертации адекватно и в полной мере отражает основные положения и содержание научного исследования.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные достоинства и сильные стороны диссертационной работы, на выполнение соискателем всех необходимым квалификационных задач, в то же время позволим себе высказать несколько замечаний и поставить возникшие в ходе чтения работы вопросы, которые могут стать предметом дискуссии и уточнений.

1. Параграф 1.2 диссертационной работы озаглавлен «Феномен веры в поэзии Е. Блажеевского». Между тем речь в этом параграфе идет, как нам представляется, далеко не только о поэзии. Так, автор работы рассуждает о воцерковленности/невоцерковленности Е. Блажеевского, об обстоятельствах жизни поэта, необходимых, чтобы «оценить влияние на него феномена веры» и т.д. Возникает ряд вопросов и среди них главный – нет ли здесь смешения биографического и поэтического планов, безусловно, близких и тесно соприкасающихся, но тем не менее – разных?

2. Не очень понятно из данного параграфа и несколько декларативно, как нам кажется, и утверждение автора диссертации, что «атмосфера мусульманской культуры, в которой преимущественно рос Е. Блажеевский, давила на него и воспринималась как нечто “неродное”». Во-первых, культура – это все-таки не религия, а во-вторых – на чем основано данное утверждение?

3. Глава 3 диссертационной работы посвящена жанровому своеобразию поэзии Е. Блажеевского. При этом автор диссертации останавливается всего на нескольких жанрах, к которым обращается поэт, приводя соответствующие примеры и показывая, в чем заключалась трансформация традиционных жанров в творчестве героя диссертации. Нам представляется, что данное рассмотрение было бы более оправданным на фоне общей характеристики того, насколько жанровое мышление сохраняет свою актуальность для поэзии Е. Блажеевского в целом и не является ли обращение к традиционным жанрам еще одним способом включения в диалог с предшественниками, который анализируется в главе 4? Об этом свидетельствует, на наш взгляд, и некоторая композиционная

непропорциональность работы: в главе, посвященной жанрам, вдвое меньше параграфов, чем в главах о пространстве и о литературных традициях.

4. Требуется специальных оговорок и выбор исследуемых традиций в заключительной главе работы. Если рецепция чеховской традиции сомнений не вызывает, то обращение к Пушкину (а не, скажем, к Боратынскому) или к Мандельштаму (а не к Ахматовой) нуждается, на наш взгляд, в комментариях и уточнениях.

5. Хорошо понимая, что рамки диссертационного исследования ограничены, все же хотели бы увидеть среди тех, кто повлиял на Е. Блажеевского и с кем он диалогизировался, не только имена классиков, но и современников поэта. Представляется, что такой ряд позволил бы избежать некоего вакуума, в который оказывается помещенным герой диссертационного исследования.

Замечания и вопросы, которые возникли в ходе прочтения, носят рекомендательный и дискуссионный, но не принципиальный характер, не вскрывают системных противоречий работы и, тем более, не влияют на общую – положительную – оценку диссертационного исследования И.И. Наумцева.

Кандидатская диссертация И.И. Наумцева представляет собой самостоятельное научно-квалификационное исследование, ценное по полученным результатам, обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью и содержит в себе решение задач, имеющих принципиальное значение для развития литературоведческой науки на современном этапе.

Диссертация И.И. Наумцева «Поэтический мир Евгения Блажеевского», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: 4. История русской литературы XX века, а также соответствует требованиям пп. 9–14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства

Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции с изменениями и дополнениями).

Автор диссертационного исследования – Иван Игоревич Наумцев – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент –
Перепелкин Михаил Анатольевич,
доктор филологических наук
(10.01.01),
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,
профессор кафедры
русской и зарубежной литературы
и связей с общественностью

М. Перепелкин

Юридический адрес:
443086, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
E-mail: www.ssau.ru, ssau@ssau.ru

Домашний адрес:
443001, г. Самара, улица Садовая, д. 337, кв. 100
E-mail: mperpelkin@mail.ru
Телефон: 8 927 2671295

Подпись Перепелкина М.А. Аудостоверяю.
Заместитель начальника отдела сопровождения деятельности
научных советов Самарского университета
Бояркина Бояркина У.В.
24 апреля 2026 г.